

УДК 101:316

ЗАКОН ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

К.М. Оганян, В.П. Бранский

Исследован характер межкультурного влияния и закон дифференциации и интеграции идеалов. Выявлена роль социальных идеалов при формировании новых этнических стереотипов и сформулирована общая закономерность взаимоотношения социальных идеалов и этнических стереотипов.

Ключевые слова: этническая общность; поведенческий стереотип; этническое самосознание; этническая интеграция; закон этногенеза.

LAW OF ETHNIC STEREOTYPE DIFFERENTIATION AND INTEGRATION

К.М. Oganyan, V.P. Branskij

This article is devoted to research the relationship nature of cross-cultural influences and the law of differentiation and integration ideals. The analogy method revealed roles of social ideals when forming new ethnic stereotypes, and the general regularity of relationship between social ideals and ethnic stereotypes was formulated.

Key word: ethnic community; behavioral stereotype; ethnic consciousness; ethnic integration; ethno genesis law.

Исследование закона дифференциации и интеграции идеалов в сочетании с законом релевантности привело к следующему выводу: имеется тенденция к закономерному расщеплению единых стереотипов поведения на множество субстереотипов, превращение этих субстереотипов в самостоятельные стереотипы и, последующее, столь же закономерное, слияние этих стереотипов в суперстереотипы [1].

Этому процессу соответствует и процесс чередования дифференциации и интеграции этнических общностей (этносов). Наглядно характер взаимоотношения закона дифференциации и интеграции идеалов с “океаном” возможных межэтнических взаимодействий (“межкультурных влияний”) можно представить следующим образом. Допустим, в обыкновенном океане имеются различные зоны обитания морских существ. При этом зоны с большим числом мелких существ чередуются с зонами с малым количеством крупных существ. Допустим, что в океан периодически опускается сеть, размер ячеек которой варьирует в зависимости от величины обитателей соответствующей зоны: когда сеть попадает в зону с большим количеством мелких существ, ее ячейки соответственно уменьшаются, а когда она оказывается в зоне с малым количеством крупных существ, то размер ее ячеек соответственно увеличивается. В первом случае улов состоит из большого числа малых существ, а во втором из

мало числа крупных существ (в частном случае, может состоять даже из одного). Допустим, что каждый раз улов в данной зоне сбрасывается на берег и сеть вновь погружается в следующую зону. Очевидно, что конечным результатом такого взаимодействия сети с океаном будет “дорожка” на берегу из чередующихся больших множеств мелких существ и малых множеств крупных существ (некоторые из которых будут состоять из одного элемента).

Нетрудно догадаться, что в процессе этногенеза аналогом упомянутого океана является множество возможных межэтнических взаимодействий (“межкультурных влияний”), о котором речь шла раньше; аналогом различных зон обитания – множества возможных (аналитических и синтетических) стереотипов поведения (своего рода, “виртуальная реальность”, создаваемая межэтническими взаимодействиями); аналогом сети – закон дифференциации и интеграции социальных идеалов; аналогом “пульсации” (варьирования) размера ячеек сети – закон релевантности; аналогом улова – множество реальных (аналитических и синтетических) стереотипов поведения; наконец, аналогом береговой “дорожки” – закон дифференциации и интеграции этнических стереотипов.

Данная аналогия наглядно показывает, какую роль в процессе этногенеза должны играть такие факторы, как “идеологический контроль межкультурных влияний” и “этническая предрасположен-

ность к специфическим социальным идеалам”. К сожалению, до последнего времени в многочисленных теориях этногенеза этим факторам не уделялось должного внимания.

Рассмотренная только что аналогия наглядно иллюстрирует, с одной стороны, какую роль старые социальные идеалы могут играть в формировании новых этнических стереотипов, а, с другой, – какую роль старые этнические стереотипы могут играть в реализации новых социальных идеалов. Таким образом, общая закономерность взаимоотношения социальных идеалов и этнических стереотипов состоит в том, что социальные идеалы способствуют *формированию* этнических стереотипов, а специфические этнические стереотипы – *реализации* специфических социальных идеалов.

Подчеркнем, что закон дифференциации и интеграции поведенческих стереотипов является необходимым *теоретическим* следствием из двух указанных теоретических законов. Можно сколько угодно сомневаться в существовании такого закона, но нельзя его отвергать, признавая в то же время наличие закона дифференциации и интеграции идеалов и закона релевантности. Так как дифференциация и интеграция поведенческих стереотипов обязательно ведет к дифференциации и интеграции этнических общностей (этносов), то чередование этнической дивергенции и этнической конвергенции оказывается не просто возможным, а необходимым процессом. Если мы теперь посмотрим на структуру закона дифференциации и интеграции поведенческих стереотипов, то сразу заметим четыре примечательных обстоятельства:

1. Периодическое появление оппозиции мощной этнической общности множеству более слабых этнических общностей, склонных к взаимному антагонизму.
2. Более того, сам *релятивистский* характер этнических общностей является результатом их происхождения из одного источника – некоторого первичного этноса, из которого они возникли в результате его дифференциации. Стало быть, этнические корреляции, существующие между этносами, связаны с процессом дифференциации их “родительского” этноса и само их существование как таковых немыслимо друг без друга. Это делает понятным то известное положение релятивистской теории нации [2, 238], что, с одной стороны, этнос всегда возникает в рамках некоторой этнической системы отсчета; а, с другой – сама эта система исторична и со временем заменяется другой системой.

Замечательно то, что та относительность этнического бытия, которая диктуется законом диффе-

ренциации и интеграции поведенческих стереотипов, предполагает *объективность, историчность и социальность* этого бытия (вопреки субъективистским, иррационалистическим и натуралистическим подходам к природе этноса и нации). Иррационалистические концепции приписывают этносу *сверхъестественное* происхождение и потому считают его вечной категорией (отрицая, тем самым, историчность этноса). Субъективистские же концепции (частным случаем которых является конструктивистское направление в теории этносов и наций), признавая естественное происхождение этноса, его социальность и историчность, в то же время отказываются обсуждать вопрос об *объективных* основаниях этнического самосознания. Более того, они пытаются возложить ответственность за возникновение такого самосознания на субъективные козни политиков. Между тем, эти козни становятся возможными именно потому, что этнические общности с различными стереотипами поведения возникают прежде и независимо от этих козней. Объяснять существование этносов и наций такими кознями – значит ставить телегу впереди лошади.

3. Периодическое появление тенденции к объединению этносов на одном социальном полюсе как *прелюдии* к их распаду на другом.
4. *Многократность* пассионарных толчков обеспечивает устойчивость глобального процесса самоорганизации межэтнического взаимодействия. В масштабе всемирной истории нет перекоса ни в ту ни в другую сторону, ибо устанавливается нормальный *автоколебательный режим*.

Теперь надо вспомнить о том защитном панцире, который каждый этнос рано или поздно стремится надеть на себя. Ведь “нация” есть государственно оформленный (актуально или потенциально) этнос. Нетрудно понять, что если этнос распадается на два или более самостоятельных этноса, то этим двум этносам окажется тесно в старом защитном панцире: ведь последний был приспособлен для охраны старого “унитарного” стереотипа, а теперь появились два или несколько сепаратных стереотипа, охрана которых требует создания новых защитных панцирей. Если новые поведенческие стереотипы существенно различны, защита одного из них может начать мешать защите другого.

Напротив, если два (или более) этноса сливаются в один, то им нет необходимости иметь несколько отдельных панцирей и гораздо удобнее надеть на себя один панцирь, специально приспособленный для защиты нового “унитарного”

стереотипа поведения. Единство стереотипа поведения делает бессмысленным существование особых институтов для защиты разных поведенческих стереотипов (ввиду того, что защита стереотипа одной части объединенного этноса теперь уже не может помешать защите другой его части).

Итак, мы приходим к заключению, что закон дифференциации в интеграции этнических стереотипов не может не иметь в качестве своего особо важного следствия закон дифференциации и интеграции *этнических государств* – закономерное чередование распада полиэтнических государств на моноэтнические (тенденция к сепаратизму) и объединения моноэтнических государств в полиэтнические (тенденция к юнионизму¹). В универсальности указанной закономерности легко убедиться, сравнивая эволюцию государств в разных географических регионах – от Западной Европы до Дальнего Востока.

Несмотря на громадные этнические различия, одна и та же социальная закономерность действует с упрямой настойчивостью, не считаясь ни с какими вариациями “смысла жизни” и “образа жизни” у разных народов. Она достаточно хорошо известна на примере эволюции государственной жизни Западной и Восточной Европы, поэтому проиллюстрируем ее действие на примере истории государственного устройства Китая² (за период с IV в. до н.э., по XIX в. (см. таблицу 1).

Из сказанного ясно, что закон дифференциации и интеграции поведенческих стереотипов открывает путь к теоретическому объяснению новых эмпирических закономерностей.

Прежде всего, само чередование пассионарных толчков благодаря фазовому сдвигу процессов дифференциации и интеграции этнических общностей, делает неизбежным историческое неравенство народов с точки зрения их участия в мировом историческом процессе – появления “цепочки” народов, обреченных играть на соответствующих этапах мировой истории *доминирующую роль, достигая своего этнического и политического акме.*

Основанием этого неравенства является неравенство поведенческих стереотипов относительно социальных идеалов. “Историческими” (в гегелевском смысле) оказываются те народы, образ жизни которых благоприятствует реализации нового эпо-

¹ Юнионизм может выступать в трех формах – империализм, конфедератизм и федерализм, причем все эти формы могут самым причудливым образом сочетаться друг с другом.

² Китай тоже переживал регулярные периоды единения и распада [5, 260–261].

Таблица 1 – История государственного устройства Китая

Исторический период	Государственное устройство	Характер структурной эволюции
IV–III вв. до н.э.	Эпоха Воюющих царств	Распад
III в. до н.э. – III в.	Эпоха Империй	Объединение
III–VI вв.	Западная и Восточная Хань	Распад
VI–X вв.	Эпоха Троецарствия (и других государственных образований)	Объединение
X–XIII вв.	Эпоха Империй Суй и Тан Эпоха Пятацарствия (и других государственных образований)	Распад
XIII–XIX вв.	Эпоха Империй Юань, Мин, Цин	Объединение

хального идеала³; “неисторическими” – образ жизни которых не содействует решению этой задачи.

Во-первых, каждый доминирующий народ переживает эпоху этнической интеграции, а затем дифференциации. Естественно, что именно по этой причине каждый такой народ испытывает вначале *пассионарный подъем, а затем – упадок.*

Так как закон дифференциации и интеграции идеалов не только допускает, но и предполагает временное возвращение (“возрождение”, “ренессанс”, “возврат к истокам”) прежних социальных идеалов [3, гл.4, §2; 7], а формула тезауруса этнических процессов предполагает существование одинаковых (в том числе, и прежних) поведенческих стереотипов, то становится понятным, почему пассионарный подъем и упадок у одного и того же народа может быть как одно-, так и *многократным* (явление регенерации). Дело сводится просто

³ Обратим внимание, что этот идеал может сформироваться совсем у другого народа, причем у такого, образ жизни которого отнюдь не благоприятен для реализации этого идеала. Например, коммунистический идеал в его марксистском варианте сформировался в Западной Европе в XIX в., а получил широкое распространение только в России и ряде стран Востока в XX в. Аналогично нацистский идеал возник во Франции (Гобино, XIX в.), а получил материальное воплощение в Германии в XX в.

к тому, что прежний (или близкий к прежнему) социальный идеал находит (или готовит) поведенческий стереотип, релевантный этому идеалу в прошлом (порой, даже очень отдаленном).

Возможен, однако, и другой случай, когда регенерация обусловлена не возвращением старого идеала, а возникновением такого нового идеала, для реализации которого нужен именно тот старый поведенческий стереотип, который играл большую роль в прошлом [4; 5]. Тогда этот новый идеал (если он не найдет требуемый стереотип в готовом виде) будет инициировать именно такое взаимодействие существующих стереотипов, которое сформирует этот идеологически эффективный стереотип (каким бы “старым” и “обветшалым” он ни казался).

В-третьих, как мы уже видели, периодическое расщепление идеалов и их синтез, именно вследствие закона релевантности, неизбежно будет приводить к периодическому расщеплению (дифференциации) и синтезу (интеграции) идеологически эффективных поведенческих стереотипов, а это, в свою очередь, к периодическому расщеплению и слиянию этнических общностей [6]. Мы, следовательно, получаем своеобразный “диалектический” закон этногенеза: *сотрудничество народов и их борьба взаимно предполагают друг друга* – борьба создает почву для нового сотрудничества, а это сотрудничество подготавливает предпосылки для новой борьбы. Очевидно, что когда мы переходим к государственно оформленным этносам (“нациям”), этническое сотрудничество и этническая борьба принимает форму *сотрудничества и борьбы национальных государств* [7].

В-четвертых, очевидно, что если сотрудничество народов доходит в своем развитии до их объединения в единый народ, то это создает тенденцию к объединению соответствующих национальных государств. А если борьба народов, живущих в одном многонациональном государстве, доходит в своем развитии до их полного отчуждения и изоляции друг от друга, тогда возникает тенденция и к их государственному разделению.

Учитывая сказанное, трудно отделаться от впечатления, что закон дифференциации и интеграции этнических стереотипов есть не что иное, как столь тяжело поддающийся анализу и давно искомый *фундаментальный закон этногенеза*. Как мы уже убедились, этот закон является следствием закона дифференциации и интеграции идеалов и закона релевантности. Связь эта является очень сложной и тонкой, маскируется множеством побочных обстоятельств и потому не может быть об-

наружена без глубокого *теоретического* анализа этнографических и исторических фактов. Причем речь идет не о теоретическом анализе вообще, а об его особой разновидности, диктуемой *социальной синергетикой* [1; 3; 8].

Поскольку межэтническое взаимодействие является главной движущей силой истории, то потенциальная *бесконечность* формирования и реализации общечеловеческого идеала и приближения к вселенскому этносу очень поучительна. Если бы на каком-то этапе истории региональные этносы исчезли, и прекратилось бы их межэтническое взаимодействие, то это бы означало, что история человечества утратила всякий смысл. Следовательно, именно потенциальная бесконечность межэтнического взаимодействия гарантирует сохранность “смысла истории”.

Литература

1. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский. СПб.: Поитехника, 2004. 400 с.; Синергетика и исторический историзм / под ред. В.П. Бранского. СПб.: Изд-во “Осипов”, 2005. 324 с.
2. Здравомыслов А. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А. Здравомыслов. М., 1997. С. 238.
3. Бранский В.П. Искусство и философия / В.П. Бранский. Калининград. 1999.
4. Оганян К.М. Глобализация и социальный идеал в современном российском обществе / К.М. Оганян // Вестник Ереванского университета. Ереван, 2010.
5. Оганян К.М. Образование как процесс идеалообразующего формирования личности человека / К.М. Оганян // Успехи современного естествознания. М.: Академия естествознания. 2010. № 9.
6. Оганян К.М., Бранский В.П. Социальный идеал и выбор оптимального пути глобализации / К.М. Оганян, В.П. Бранский // Личность и культура. 2009. № 6. С. 18–21.
7. Оганян К.М. Методологические основы исследования межпоколенных отношений в обществе / К.М. Оганян // Матер. межд. конф. “Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации”. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 93–97.
8. Бранский В.П. Синергетическая философия истории. Кол. монография Петербургской школы социальной синергетики / В.П. Бранский, К.М. Оганян и др. СПб.: Изд-во КОПИ-ПРИНТ. Рязань, 2009.